

НАРОДНЫЕ ЗНАНИЯ ОРОКОВ (УЙЛЬТА)

Владимир Викторович ПОДМАСКИН,
доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Института истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток.

В статье рассматриваются традиционные народные знания ороков (уйльта) о природе, человеке и обществе во второй половине XIX—XX в. Выявляется роль народных знаний в развитии мировоззрения, хозяйственной деятельности, материальной и духовной культуры.

Ключевые слова: народные знания, ороки, традиционная культура, фауна, флора, оленеводство, народная медицина.

Folk knowledge of the Oroks (Uilta)

V.V. Podmaskin, Doctor of Historical Science, Chief researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East FEB RAS, Vladivostok.

The article gives considerable information about life, traditions, knowledge of Nature and surrounding environments of the aborigines. Modern ideas of the Oroks about the Universe, Space, Time are different from mythological ones. They caused the transformation of all sides of life and activity of patriarchal tribe society.

Key words: folk knowledge, the Oroks, traditional culture, fauna, flora, deer-breeding, folk medicine.

Народные знания ороков представляют собой одну из подсистем традиционной культуры. В данном случае речь идёт об архаическом пласте, где устойчивые формы деятельности в подавляющем большинстве имеют традиционный характер. Народные знания регулировали жизнедеятельность, формировали духовный мир человека, его психику и мировоззрение.

Фонд знаний о небесных светилах характеризуется точностью наблюдений. Юпитер ороки называли *Пуракта*, связывали его с искрой, которую высекали при помощи кремня для огнива. Большая Медведица *Паула* — вешала в два яруса для вяления рыбы, Млечный Путь *Одо Хоктони* — дедушкина дорога и путь мифического героя Удзига. Плеяды имели два названия: *Надаса* — семь родственников и *Агдимсэ* — родственники грома [1]. Здесь выявляется специфика понятия, мотивированная как свойствами объекта, так и потребностями повседневной жизни рыболовов. Чёткая ритмическая повторяемость движения небесных светил во времени давала людям объективные универсальные ориентиры (суточные и сезонные), необходимые для успешной организации производственной деятельности,

и соответственно наглядные представления о закономерных явлениях окружающего мира. Уйльта давно научились узнавать время днём по солнцу, а ночью — по расположению созвездий и восходу планет. По звёздам определяли ход рыбы, время и сроки охоты, у звёзд просили здоровья и благополучия. Созвездия служили своеобразными часами. Знаки Солнца *сун*, Луны *бе*, звёзд *васикта* в виде символов нашли отражение на шаманских атрибутах.

Охотники, рыболовы и оленеводы славились знатоками освоенной территории, имели своеобразные представления о пространстве и времени. Они свободно ориентировались среди рек и болот, отличались способностью запоминать пройденный путь и выбрать нужное направление на местности. Пространственные представления сопоставлялись с направлениями: верхний *уву*, нижний *пэду*, правый *анзе*, левый *дэунзе*. Они отлично знали географию о-ва Сахалин: рельеф местности, речные системы, растительность, климатическую и метеорологическую обстановку. В ороческом языке до сих пор сохраняются названия, связанные с погодой: шторм на море *лата*, буран *пуинде* (*пунга*), водоворот *пояал*, моросить (о дожде) *писуривури*, лёд *бело*, дождь *тугда*, снегопад *симона*, туман *тамна*, снег *симакта*, большая волна *ламу*, мокрый снег *нокчи*, облака и тучи *тывыска*, сильный дождь *амба рами тугдэн*, туман осенью (по утрам и вечерам) *мэи*, пар (при морозе) *мэю*. Народные географические названия были тесно связаны с хозяйственной деятельностью: *түвэдэ* место зимней кочёвки, *бэячуку* место охоты, *аундав* зимняя юрта, *даута* место перевоза, *охта* место сбора лекарственных трав [2]. Повсеместно встречаются гидронимы, характеризующие охоту, рыболовство, собирательство и оленеводство. Топонимы, отражающие животный и растительный мир, дают информацию о местной фауне и флоре.

Страны света: восток *сун агбинзини* (восход солнца), *туамди*; запад *перхи*, *перхи хэдун* (западный ветер), *тангори*; север *оти*, *дувэку хэдун* (холодный ветер); юг *маи*, *конгори*, *чиланай*, *сунзе*, *сувэ*; северо-восток *бизила*, *талзе*. Ороки именовали Сахалин *Нучина* (маленькая земля), а материк *Дайна* (большая земля) [4]. Южный Сахалин называли *Сузе*, *Сачи*. Народ уйльта исторически подразделяется на северную *доронени* (люди, живущие на севере) и южную *сунени*, *сунани* (люди, живущие ближе к солнцу) группы. Осваивая Сахалин, ороки добавляли к некоторым топонимам самоназвание народа *нани Дахи нани* (*нении*), *Найпугу нани* (*нении*), место где были расположены их традиционные стоянки, характеризующие оседлый образ жизни. Раньше самоназвание ороков было *нани*, древних людей острова называли *горочисал* [4, с. 17].

Орокам было знакомо зимнее и летнее солнцестояние. Признаётся, что год делится на четыре времени: *түвэ* — зима, *дува* — лето, *боло* — осень, *нэнгэ* — весна и состоит из 12 месяцев. Имена месяцев даются по названиям фенологических явлений или приурочены к определённому време-

ни года хозяйственных работ. Все они в той или иной степени приближаются к новолунию. Месяц по-орокски *бени* (от названия луны). По нашим полевым данным 1976 г. в пос. Вал, орокский народный календарь выглядел так: 1) *гуси бени* (месяц орла), 2) *кэрэ бени* (месяц вороны), 3) *тува бени* (зимний месяц), 4) *бэдэл бени* (месяц тельных самок оленей), 5) *хун(к) бени* (смыслового названия нет), 6) *бодя, бодзял бени* (смыслового названия нет), 7) *оро бени* (месяц горбуши), 8) *нучи сироку бени* (олени чистят рога), 9) *дайджи сироку бени* (гон оленей), 10) *гата бени* (месяц сбора ягод), 11) *пута, giraу бени* (месяц охоты с силками), 12) *сагди бени* (старый месяц). Весной отмечали период *нанна* — время цветения рододендрона. Сутки делили на *инэнги* (день), *сэксэ* (вечер), *долбо* (ночь), *гева* (заря) и т.д.

У уроков исторически сложилась традиционная система мер. В качестве измерительных инструментов использовались орудия труда: весло, стрела, лук, шест, лыжные палки. Мерой объёма служили коробка, выючные сумки, лодка, амбар; эталонами для измерения длины — маховая сажень *да*, большая пядь *товал*, малая пядь *сиро*, самая малая пядь *мунгбо* (расстояние от конца большого до первого сустава указательного пальца), *панала* (ширина ладони). Пройденное расстояние в течение дня обычно измеряли количеством выкуренных трубок (в пути через определённые промежутки времени отдыхали и курили) [5, с. 248].

В.Д. Косарев отметил, что у уроков прослеживается стройная система обычаев, правил, норм, ограничений и запретов, касающихся землепользования, лесопользования, водопользования, охоты, рыболовства, морского зверобойного промысла и собирательства. Суть её сводится к двум основным и обязательным требованиям: бережное отношение к экосфере и рациональное использование изъятых из неё продуктов [6]. Нельзя рубить живые деревья на топливо, в лесу возбранялось шуметь, беспокоить животных, вторгаться в места их обитания, особенно в период кладки яиц и выведения молодняка. Очень строгими были правила пожарной безопасности.

Охотничье право исходило из уважения к интересам животного мира. Отстрел птиц и зверей бесцельно, ради забавы осуждался. Свод охотничьих правил предусматривал не только ограничения сроков охоты и количества добываемой пищи, но и определённый уход за зверовыми угодьями, режим их покоя и отстрела. Традиционно сложившиеся нормы добычи зверей были ориентированы на минимальный запас дичи, достаточный на ближайшее время. Летом не охотились на оленя и медведя, осуждалось убийство не пригодных в пищу птиц — вороны, чайки и др.

Сходные правила существовали в водопользовании и рыболовстве: соблюдали чистоту на реках (не разрешалось бросать мусор), нерестилища периодически очищались от бурелома, обрушившихся камней, дёрна. Реки никогда не перегораживали сетью — рыба должна пройти на нерест. Сеть применялась только в море и лагунах, в низовьях рек пользовались

закидными неводами, выше по течению рыбу били острогой. Забота о будущем поголовье лососёвых проявлялась и в том, что острогой били преимущественно самцов, так как их для нормального осеменения икры, по представлениям уйльта, требуется меньше, чем самок.

Таким образом, у ороков сложились устойчивые традиции охраны природы, которые играли важную регулирующую роль в хозяйственных занятиях, оказали заметное воздействие на систему поведения охотников и оленеводов.

Фольклорные и языковые данные свидетельствуют о наличии у уйльта определённого комплекса народных военных знаний. Сохранилась военная терминология и названия оружия: *вандасу* — воевать, *лавтан* — сабля, *хону* — топор, *элу* — лук, *кучеге* — большой нож [2, с. 175, 178, 186]. Для воспитания воина имелось много методов традиционной физической подготовки: турниры стрелков из лука и ружья, борьба мотто, имеющая некоторое сходство с дзюдо. Южным орокам известно фехтование на палицах [7, с. 76].

Как и у других коренных малочисленных народов Дальнего Востока, у ороков бытовало образное письмо [10]. Значительный интерес представляют две дощечки (назначение их неясно), приобретённые у ороков ещё в конце XIX в. капитаном Леонтовичем, хранятся в Антропологическом музее Московского университета [8]. На одной из дощечек сверху вырезан олень, а на некотором расстоянии от него — фигура охотника, стреляющего из ружья. Позади охотника — другой олень, привязанный к дереву. В нижнем ряду изображён поезд из трёх оленей, два передних запряжены в нарты, управляемые человеком.

На другой дощечке фигуры расположены в три ряда и объединены в две группы. Одна группа — олени, человек и собака — представляет собой композицию: человек, вооружённый длинной палкой, гонит стада оленей к дому, изображённому в виде маленького конического шалаша. Отстающих оленей погоняет собака. Вторая группа — три человека, направляющиеся к другому шалашу. Впереди идёт человек, опирающийся на палку, за ним следует другой с палкой в руке, ведущий за собой верхового оленя, на котором сидит ребёнок. Рядом идёт олень без седла. Эти сцены образно воспроизводят реальную жизнь оленеводов.

Особый интерес представляет пиктографическое письмо, выполненное на футляре для ножа колмой техникой выжигания [9], оно включает в себе закодированную информацию в виде условных знаковых символов и, вероятно, информирует об условиях жизни и основных занятиях ороков.

У ороков сохранилось достаточно знаний о местных зверях, птицах и рыбах. Ороки хорошо знали повадки птиц, на которых они охотились: рябчика *пину*, баклана *наму порони* (морской глухарь), дикого гуся *нунгна*, *чирка нуда* и др. С появлением некоторых птиц на реке ороки связыва-

ли ход рыбы. Например, если трясогузки *кокку* появились в верховье реки, значит, рыба ещё не подошла, если прилетели в низовье реки, — рыба подошла.

Оленеводы-ороки имели представления о породности, продуктивности, выносливости и физической силе животных, им была известна бескровная кастрация оленя при помощи прикуса зубами *testicula*. Обычно холостят самцов на втором или третьем году осенью, когда становится прохладно и исчезает гнус. Ороки вывели домашнего северного оленя, который резко отличался от тунгусских оленей и обозначался особым термином *ула*. По данным наших информаторов, такая порода оленей называлась *пэта*. Они отличались крупными размерами, были выносливыми и покладистыми.

Орокские оленеводы в деталях разработали номенклатуру оленей по полу, возрасту, поведению, масти и экстерьеру. Для обозначения телёнка (олень меньше года) употреблялось моносемантическое слово *соандо*, которое имело обобщённое значение «телёнок» независимо от пола. Так называли только что родившегося телёнка и телёнка до года. Для названий оленей в возрасте от одного года до пяти лет употребляются слова: *сепо*, *апала*, *иктэнэ*, *нотонэ*, *хаматана*; в современном тунгусо-маньчжурском языке *сепо*, *апала*, *хаматана* встречаются только у ороков. Исследователи отметили, что возрастная терминология оленей у ороков отличалась от тунгусской [11, с. 11]. В то же время в способах ухода за домашними оленями проявляются общетунгусские черты: содержание телят и важенок на привязи. При помощи такого приёма доместикации олени привыкали к голосу человека, становились ручными. Весенняя привязь молодняка способствовала приучению его к поводу, делала смирным, что впоследствии облегчало работу по обучению езде верхом и под вьюк.

Использование оленя ороками в качестве упряжного животного более совершенно, чем у эвенков и эвенов. Нарты ороки называли *охсо*. Они не похожи по конструкции на нивхские, нанайские и ороцкие с двухсторонними загнутыми полозьями, на чукотско-корякские с гнутыми в дугу копыльями. Их нарты по техническому устройству представляют собой законченный и совершенный тип. Характерная черта конструкции — наклонная постановка полозьев, при которой копылья одной стороны обращены к копыльям другой под острым углом. Этим наклоном полозьев достигается значительная устойчивость нарт.

Охотники-олениеводы прекрасно знали экологию домашнего оленя, маршрут сезонных миграций. Народные знания включали в себя правила ухода за животными, профилактики и лечения болезней, селекционной работы (сортировка и выбраковка, периодический межпопуляционный обмен животных во избежание имбридинга), приучения и дрессировки различных категорий (под вьюк, под седло, в упряжке вожakov, важенок и т.д.) [6, с. 68].

Таким образом, народные знания ороков о домашнем олене характеризуют хозяйственно-культурный тип таёжных оленеводов, широко распространённый у многих народов Сибири.

Этническая территория ороков отличалась обилием и разнообразием растительного мира, поэтому в жизнеобеспечении собирательство готовых даров природы и переработка растительного сырья занимали особое место. Дикорастущие растения давали людям пищу, лекарства, красители, дубильные вещества, кроме того, материал для пошива одежды, построек, изготовления средств передвижения, орудий труда и утвари. Всё это требовало обширных сведений о многообразном мире растений.

В лексике орокского языка есть названия грибов, растений, ягод. Грибы *дэунэктэ*, *довакта*, берёзовый гриб (чага) *силта*, багульник болотный *сэ-нэтурэ*, *сэкуру*, тростник *пулдукта*, черёмуха *сингэктэ*, ель *хасикта*, осина *хадакта*, кедр *баяи*, лиственница (молодая) *ингу*, таволга *путукта*, тополь *мускари*, брусника *сэгдэ*, клюква *гакта* и др. [2, с. 520—521]. Ботаник А.С. Колосовский приводит более 50 орокских названий растений [12]. Ороки научились плести сети из волокон крапивы и лишайника, который растёт на пихте. Из древесины ели изготавливали лыжи, из тополя делали лодки, а луки и стрелы — из сосны. Раствор из коры ольхи *пунгда* применяли для дубления оленьих шкур. Из сока черёмухи готовили вино. Клубни сараны и морскую капусту употребляли в пищу.

Довольно обширные познания проявили ороки в области народной медицины. Они хорошо знали анатомию человеческого тела, расположение внутренних органов животных. Были разработаны названия болезней и синдромов: *сипки* (ангина, кашель), *ноито* (синяк), *укси* (чирий), *мява эни* (болезнь сердца), *сосо* (дизентерия) и др. [1, с. 526]. Лекаря ороки называли *октичи*. При лечении различных болезней использовали рациональные средства и магические приёмы, например, умели делать массажи, при головной боли применяли тугую повязку на лобную часть головы. Некоторый опыт ороки приобрели даже в хирургии. При переломах конечностей накладывали шины из лубков твёрдых пород деревьев, проводили не только трепанацию черепа, но также ампутацию пальцев и целиком конечностей. Операции проводились без анестезии с помощью кремниевых ножей, а кремний имеет свойство уничтожать бактерии. Переломы костей лечили также наложением лубков, на раны накладывали повязки из бересты и смолы пихты. Сохранились положительные моменты гигиены в быту — рожениц изолировали в целях стерильности и предохранения от инфекции; изоляция заражённых больных с целью локализации.

Народной медицине ороков известны лекарственные средства животного происхождения. А.С. Колосовский отметил: когда болело и гнило ухо, чтобы нарыв вскрылся, привязывали под повязку жука-мертвоеда, который разгрызал опухоль, и боль проходила [12, с. 101]. Высушенная шкурка змей *муиги* служила лекарством (компрессы при

ушибах). Ожоги смазывали собачьей или оленьей кровью. При нарывах прикладывали шкурку зайца *тукса*.

Ороки знали магические способы лечения от злых духов. Они прибегали к жертвоприношениям, заклинаниям, обращались к покровительству добрых существ и разнообразным охранителям-амулетам «от болезни поясницы», горла и др. [13]. Универсальный рецепт от болезней *адо-энини* состоял из двух маленьких человеческих фигурок, вырезанных из дерева. Фигурки украшены ритуальными стружками *инау* и прикреплены к еловой ветке. Важное место среди носителей болезней у ороков занимали духи медведя, касатки, которые могли принимать зооморфную, антропоморфную и смешанную форму, что связано с культом этих животных. Болезни причиняли души умерших людей, иногда ими могли быть и духи — покровители шамана, а также антропоморфные мифологические образы и фантастические существа в виде птицы, морского чудовища и т.д.

Таким образом, народные знания ороков, являясь древнейшим пластом традиционной культуры, представляют собой ценный источник информации для решения сложных проблем этногенеза и этнической истории тунгусо-маньчжуров, айнов и нивхов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Подмаскин В.В. Народные знания тунгусо-маньчжуров и нивхов: проблемы этногенеза и этнической истории. Владивосток: Дальнаука, 2006. С. 527—528.
2. Петрова Т.И. Орокский язык // Языки народов СССР: Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. В 5 т. Л.: Наука, 1968. Т. 5. С. 176.
3. Таксами Ч.М. Тунгусские народы на Сахалине // Страны и народы Востока: Страны и народы бассейна Тихого океана. М.: Наука, 1968. Вып. 6. С. 29.
4. Миссонова Л.И. Уйльта Сахалина: Большие проблемы малочисленного народа. М.: Наука, 2006.
5. Штернберг Л.Я. Дневник путешествия к восточным гилякам и орокам // Известия Института наследия Бронислава Пилсудского. Южно-Сахалинск, 2001. Вып. 5.
6. Косарев В.Д. Экологическая обусловленность традиционного воспитания и социализации у ороков // Материалы к изучению истории и этнографии населения Сахалинской области. Препринт. Южно-Сахалинск, 1986. С. 71.
7. Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в. М.;Л., 1954. С. 387—389.
8. АМ МГУ, кол. № 8—39, 8—40.
9. Сахалинский областной краеведческий музей, кол. № 4732-1.
10. Смоляк А.В. Южные ороки: этногр. заметки // СЭ. 1965. № 1. С. 28.
11. Васильев Б.А. Основные черты этнографии ороков: предварительный очерк по материалам экспедиции 1928 г. // Этнография. 1929. № 1. С. 11.
12. Колосовский А.С. Из поездки к орокам Сахалина. 1977—1980 годы // Краевед. бюл. Южно-Сахалинск, 2002. № 4. С. 123—124.
13. Вязовская В.В. Амулеты ороков Сахалина // Сборник «Сахалин-76». Южно-Сахалинск, 1976. С. 127—129.